Переводчик: Антония

"Что ты имеешь в виду?"

"Сегодня вечеринка "Персиковый цветок"..." Главный надзиратель рассказал ему все, чему он научился у Главы Чжана.

Услышав это, тюремщик снова подумал: "Удивительно, что дама из особняка Основателя вышла замуж и бросила мужа ради богатства и статуса... если так..." Если так, то она, должно быть, непостоянная женщина. Возможно, он мог бы...

Главный надзиратель дал ему взглянуть: "Даже не думай об этом". Независимо от того, что является правдой, Император по-прежнему ценит свои отношения с Основателем. Я слышал, что завтра он лично проведет слушание. Виновна она или нет, нам лучше не трогать ее".

Они всегда хвастались вместе, когда не были слишком заняты. Конечно, он знал, что было в голове у этого приятеля. Но этот инцидент имел большое значение, и они не должны быть случайными.

Тюремщик был немного разочарован и потер руки: "Я не осмеливаюсь". Я просто пошутил."

"Это хорошо. Иди и скажи другим быть более бдительными. Я буду здесь сегодня. После передачи новостей ты придешь сюда, чтобы вместе охранять".

"Да." Тюремщик ответил и ушел, оглядываясь время от времени.

Главный надзиратель встал и открыл маленькое окно на железной двери. Свет все еще горел, и две женщины разговаривали. Наблюдая некоторое время, он сказал: "Мисс. Мо, можешь отдохнуть пораньше. Нам велели не мучить вас!"

Это звучало как огромная благодать. Они осмелились? Мо Цяньсю ничего не сказал, но няня Мо холодно ответила: "Тогда я должна сказать спасибо".

Тюремщик с толстыми бровями прибыл к входу во внутренний слой и не вышел, когда кто-то перекрыл ему путь, как стена.

Он посмотрел вверх и обнаружил, что это вице-командир Су только что занял его место, поэтому он поспешил отойти в сторону.

Главнокомандующий руководил безопасностью всего города. Эти люди могли идти куда угодно. Тюрьма также была в зоне их проверки.

Однако им разрешалось осматривать только внешний, а не внутренний слой...

Хотя тюремщик знал об этом, он не принял это как должное. Он слышал, что даже его высший начальник ничего не может сделать с этим командиром Су. Почему он, простой тюремщик, осмелился встать у него на пути? Если что-то случится, он не будет нести ответственность. Кроме того, так как он мог добраться сюда, конечно, он говорил со своим начальником.

Он стоял в стороне, но глаза Су Ци были зафиксированы в нем, как рентгеновские снимки.

То, что он только что сказал, было не очень громко, поэтому Мо Цяньсюэ, конечно, не слышал, так как была железная дверь и некоторое расстояние.

Тем не менее, Су Ци обладал глубокой внутренней силой и хорошим слухом. С тех пор, как он попал в тюрьму, его уши исследовали. Тюрьма не была большой и не была заполнена множеством голосов, поэтому, когда он подошел к двери, он ясно услышал, что сказал тюремщик.

Увидев холодные, похожие на лезвие глаза, заключенный почувствовал, как его сердце опускается и отворачивается, чтобы отпустить Су Ци первым, но Су Ци только что дал ему ладонь в лицо. Потом заключенный, радостно засмеявшийся минуту назад, упал на землю, рвало кровью и сразу же умер.

Су Ци был плейбоем в столице, которого не волновали последствия. Если бы не защита Мо Цяньсюэ, он бы даже не занял должность вице-командора. Так как у этого человека были злые мысли, то он просил о смерти.

Оглядываясь, главный надзиратель был шокирован, но не взволнован. Он не был бесполезным дураком, так как мог стать главой, чтобы наблюдать за преступниками. Он успокоился и спросил: "Почему, командир?"

Убийство надзирателя этой Императорской тюрьмы было тем же самым преступлением, что и доставка в тюрьму.

Су Ци не хотел тратить слова с ним: "Открой дверь". Просто тюремщик. Сколько бы он ни захотел, он мог назвать тысячу способов смерти, которые, казалось бы, не имеют к нему никакого отношения, даже если кто-то был его свидетелем. У него не было раны на теле. На ладони Су Ци сломаны сосуды сердца, или... этот тюремщик только что умер от острого заболевания...

Главный надзиратель не сдался: "Нам сказали..."

Лицо Су Ци замерзло от холода, а голос его был нетерпеливым и убийственным: "Просто открой его! Госпожа. Мо - леди. Как она могла провести здесь ночь? Смешно! Я отправляю её

обратно в особняк Основателя. Семья Су будет поручителем. Завтра я буду охранять ее при дворе на слушании императора".

Гарантия семьи Су...

Главный надзиратель был в тупике: "Я не осмелюсь! Если только не будет устного указа Императора, или я не смогу ее отпустить". Он не осмелился обидеть Су Ци, но больше боялся освободить заключённую.

Су Ци насмехался: "Есть ли устный указ, когда ее посадили?"

Обычно люди, запертые здесь, были преступниками, осужденными Императором. Женщины-Имперцы не должны вмешиваться в политические дела. Даже Императрица не могла случайно посадить людей в имперскую тюрьму. Следовательно, это был первый случай, когда заключенный был пойман по приказу Принцессы.

Услышав его слова, главный надзиратель был ошеломлен, и еще больше заикался, заикался: "Нет... это по приказу принцессы в устной форме". Затем он поспешно добавил: "Глава Чжан сказал, что принцесса Юхэ получает устный указ императора. Скорее всего, он скоро прибудет сюда".

Су Ци, кажется, не услышал последнюю часть: "С каких пор принцесса может решать, что делать в императорской тюрьме?". Для семьи Су, принцесса была ничтожеством, не говоря уже о главной гвардии.

Главный надзиратель знал, что это проблема, когда глава Чжан сказал, что это основано на приказе принцессы, но глава Чжан обещал, что вскоре будет получен устный указ императора... Принцесса, с императрицей позади, или по крайней мере семья Се, не должна быть непослушной.

Он подумал, что Мо Цяньсюэ остался один без семей, чтобы поддержать ее, и в конце концов посадил ее в комнату.

Теперь Су Ци говорил о правилах, и он не мог найти повода для опровержения. Освободить её? Но это был приказ принцессы Юхэ, за которым, скорее всего, последует устный указ императора, и она уже была в комнате. Не освобождать? Здесь была Су Ци, и это действительно было против правил.

Вход и выход из императорской тюрьмы не были детской забавой!

Головная тюрьма колебалась, когда изнутри доносился голос няни Мо: "Пожалуйста, уходите, командир Су".

Их разговоры естественным образом потревожили Мо Цяньсюэ, который немного поразмыслил и попросил няню Мо убедить Су Ци уйти отсюда.

Су Ци услышала голос и подошла. Не давив на него, он уже освободил место в главной тюрьме.

Через окно на железной двери он взглянул.

Мо Цяньсюэ все еще была в светло-синем платье, сидела на кровати, такая же спокойная, как и в собственном будуаре. Кроме заколки, она не носила никаких других аксессуаров и даже поверхностного макияжа. Тем не менее, ее кожа была похожа на хрустальный снег, что делало ее тонкие безупречные черты более целомудренными при тусклом свете, лицо, не терпящее нецензурной лексики.

Эта девушка, о которой он думал каждую секунду, не вызывала огромной реакции на его появление. Небеса знали, что он сразу же бросился в новости и использовал связи семьи, чтобы попасть внутрь.

Если Нин Шаоцин придет, он поспорил, что она бросится с кровати.

Прошло всего восемь дней с тех пор, как она приехала в столицу, но ей было так тяжело. При мысли о том, что с ней случилось, и при испуге на лбу его сердце билось, как сумасшедшее!

В этот момент он начал ненавидеть Нинга Шаоцина за его холодное сердце. Он услышал, что Нин Шаоцин вернулся в особняк Нин; он слышал, что Нин Шаоцин будет присутствовать на церемонии и станет новым хозяином; он слышал...

Однако, насколько он знал, Нин Шаоцин никогда не посещал Мо Цяньсюэ и не оказывал ей никакой помощи...

Ему было жаль Мо Цяньсю!

В течение стольких дней, хотя он и не спрашивал Мо Цяньсю о ней и Нин Шаоцине, по её спокойствию он мог догадаться, что Нин Шаоцин, должно быть, пообещал ей что-то, чтобы она могла ждать так спокойно.

Су Ци проигнорировала слова няни Мо, но рычала: "Открой дверь".

"Пожалуйста, не усложняйте мне задачу, командир Су." Главный надзиратель повторил то же самое, но его тон содержал компромисс.

Су Ци глубоко вздохнул, чтобы подавить депрессию в груди: "Сначала откройте". Я просто поговорю с ней какое-то время".

Тюремщик наткнулся на ключ от железной двери: "Пожалуйста, побыстрее". Если позже придет устный указ императора, я буду делать только по правилам."

После этого он хитро вернулся туда, где сидел раньше, вытащил свою бутылку и произнес тост за мертвую тюрьму. Затем он сел и снова начал пить, как будто никого не было рядом.

На этой работе он увидел слишком много трупов.

Кроме того, он предупреждал его, чтобы у него не было злых мыслей. Он сам попросил об этом. Больше никто не виноват. Он верил, что семья Су также щедро заплатит своим семьям.

Учитывая это, не нужно было ничего говорить.

Су Ци открыл дверь и вошел. Мо Цяньсюэ открыла глаза.

Каждый раз, когда она видела Су Ци, он улыбался. Клэри никогда не ожидала, что его игривая небрежная улыбка сменится морозной яростью.

Су Ци была такой из-за нее. Нуждающийся друг - это действительно друг. Мо Цяньсю чувствовала тепло. Она встала и засмеялась: "Кто так разозлил нашего шикарного красавчика Су Ци?".

Су Ци была серьезна, что было редкостью, и нахмурилась: "Это время для шуток? Следуйте за мной. Я забираю тебя обратно."

Мо Цяньсюэ ответил: "Вернуться? Назад куда? В особняк основателя? Я не вернусь." Не нанеся неприятного удара по лицу тех, кто хотел убить ее, она никуда не пошла бы: "Я могу сказать тебе наверняка". Я приехал сюда один. Я не могу или не хочу выходить в этот момент."

Су Ци не поняла и сделала шаг вперёд: "Почему?"

http://tl.rulate.ru/book/14777/1021561